

УДК 811.512.1'342
DOI 10.17223/18137083/55/21

И. Я. Селютина

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Характеристика консонантных систем южносибирских тюркских языков по параметрам объективной сложности*

На материале фонико-фонологических систем тюркских языков южносибирского региона разрабатывается проблема языковой сложности, трактуемой в современной лингвистике в качестве одного из индикаторов типологического классифицирования. Проведенное исследование свидетельствует о том, что в ряду южносибирских тюркских языков более высокой степенью парадигматической сложности характеризуется консонантизм шорского и барабинско-татарского языков, фонологические системы которых организованы оппозицией единиц по глоттализованности/неглоттализованности, а также тувинский консонантизм, в системе которого противопоставление по указанному признаку реализуется как аллофоническое. На синтагматическом уровне происходит упрощение фонетического кода, но одновременно с этим усложняется морфологическая структура словоформы, т. е. линейное сокращение плана выражения находится в отношениях отрицательной корреляции с планом содержания, затрудняя адекватное восприятие речи и усложняя процесс коммуникации.

Ключевые слова: тюркские языки Южной Сибири, консонантные системы, степени языковой сложности.

Введение

Проблема языковой сложности, имманентно присутствовавшая в трудах лингвистов с 70-х гг. прошлого столетия – В. Bernstein [1971], J. Nichols [1992], R. Perkins [1992], актуализировалась в научной литературе относительно недавно – в начале XXI в. Представляя собой новую интерпретацию конкретных результа-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 15-04-00296 «Сложность языков сибирского ареала в диахронно-типологической перспективе».

Селютина Ираида Яковлевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; siya_igina@mail.ru)

тов изучения истории и типологии языков и становясь одним из перспективных направлений лингвистических исследований с многомерными подходами и критериями оценки сложности языковых систем и подсистем, она все более привлекает внимание ученых.

В проекте, разрабатываемом сибирскими лингвистами, языковая сложность анализируется на материале языков, генетически и типологически различных, имеющих несовпадающие социолингвистические характеристики. К изучению привлекается материал всех языковых ярусов, что позволит определить наличие компенсаторности уровней сложности в разных частях языковой системы.

В данной статье исследование направлено на выявление параметров сложности консонантных систем в тюркских языках южносибирского региона в качестве индикаторов их типологической классификации.

Изучение объективной сложности звуковых систем на современном синхронном срезе базируется на результатах инструментальных исследований языков народов Сибири и сопредельных регионов, выполняющихся в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований Института филологии СО РАН с конца 60-х гг. прошлого столетия в русле единой теоретической концепции и общих методологических подходов, разработанных В. М. Надеяевым. Полученные в ходе экспериментов данные и концептуальные наработки введены в информационное пространство лингвистики в виде публикаций описательного и сопоставительно-типологического характера. В статье используются материалы по алтайскому, кумандинскому, чалканскому, тубинскому, хакасскому, шорскому, барабинско-татарскому, тувинскому и калмакскому языкам.

1. Понятие языковой сложности

Поскольку направление исследования языковой сложности появилось относительно недавно и в настоящее время проходит этап становления, формирования понятийно-терминологического аппарата, разработки методик и алгоритмов анализа и описания данных, постановки вопросов и выдвижения гипотез, требующих верификации, представляется необходимым сделать краткий экскурс в историю вопроса и принять рабочее определение критериев языковой сложности.

Впервые в лингвистике острополемический характер дискуссии о неправомерности традиционного представления о языках мира как характеризующихся одинаковой степенью сложности был задан публикацией Дж. Мак-Уортера [McWhorter, 2001]. Высказанные им идеи получили дальнейшее развитие в работах Ваутера Кюстера [Kusters, 2003], Эстена Даля [Dahl, 2004], Райана Шостеда [Shosted, 2006], Элисон Рэй и Джорджа Грейса [Wray, Grace, 2007], Гэри Лупяна и Рика Дейла [Lupyan, Dale, 2009], Питера Традгила [Trudgill, 2011], а также в двух сборниках статей под редакцией Матти Миестамо [Language Complexity..., 2008] и Джеффри Сэмпсона [Language Complexity..., 2009]. Подробный экспертный анализ зарубежной литературы по затронутой проблематике приведен в статье А. Бердичевского «Языковая сложность (Language Complexity)» [2012].

Основной вывод развернувшейся дискуссии заключается в том, что языки можно не только ранжировать по степени сложности, но и пытаться измерить ее количественно – для языка в целом или для его фрагмента [Там же, с. 101].

Само определение языковой сложности трактуется исследователями неоднозначно. По Э. Дально, сложность – это абстрактная объективная мера, стоимость и трудность – меры относительные, субъективные. Он предлагает различать системную, структурную и поверхностную сложность [Dahl, 2004, p. 38–39; Даль, 2009]. По М. Миестамо, сложности соответствует абсолютная (объективная) сложность, а стоимости и трудности – относительная (субъективная) сложность.

При этом абсолютная сложность во многом сводится к количеству элементов, из которых состоит система [Miestamo, 2008].

Рядом исследователей при определении языковой сложности используется одно из понятий теории информации – понятие колмогоровской сложности. Общий смысл его заключается в том, что «чем сложнее объект, тем длиннее его описание. Иначе говоря, в качестве меры сложности можно рассматривать длину кратчайшего возможного описания данного объекта. Для языкового объекта – длину кратчайшего алгоритма, который порождает бы данный объект» [Бердичевский, 2012, с. 103]. Таким образом, чем короче описание, тем проще объект. Недостатком такого подхода является то, что исследователь не всегда может быть уверен в том, что действительно нашел минимально возможное значение колмогоровской сложности.

Иной подход, выдвинутый М. Гелл-Манном, заключается в измерении так называемой эффективной сложности, исчисляемой минимальной длиной описания закономерностей, функционирующих в системе, в частности, в системе языка [Gell-Mann, 1994].

Будучи сторонником абсолютного (объективного) подхода при трактовке языковой сложности, М. Миестамо тем не менее предлагает использовать имплицитивные иерархии для объективного измерения относительной сложности: явления, частотные в языках мира, не представляют сложности.

Мак-Уортер предлагает четыре критерия для оценки языковой сложности [McWhorter, 2001]. В соответствии с задачами данного исследования наибольший интерес представляет для нас первый из них: фонемный инвентарь тем сложнее, чем больше в нем маркированных фонем. Имеются в виду фонемы, маркированные в типологическом смысле, т. е. редко встречающиеся в языках мира. Маркированные фонемы, характеризующиеся наличием коррелятивного признака, Мак-Уортер выбирает потому, что их наличие подразумевает наличие немаркированных членов оппозиций, а значит, более сложную систему фонологических различий. Позднее Мак-Уортер дает уточненную формулировку параметров сложности: 1) сверхдифференциация: обязательное поверхностное маркирование семантических различий; 2) структурная детализация: количество правил (например, в синтаксисе) и элементов (например, фонем), необходимых для порождения поверхностных форм; 3) нерегулярность [McWhorter, 2007].

Дж. Николз исходит из того, что грамматическая сложность сводится к количеству элементов в системе, количеству их степеней свободы и объему информации, который нужен для их описания. В соответствии с таким подходом она предлагает для измерения сложности список формально-количественных параметров, характеризующих как системную (парадигматическую) сложность, так и структурную (синтагматическую) [Nichols, 2009].

Показателями системной (парадигматической) сложности являются: 1) количество элементов (фонем, тонов, родов, падежей, способов построить придаточное предложение и т. п.) в каждой подсистеме; 2) количество парадигматических вариантов (степеней свободы) для каждого элемента: аллофоны, алломорфы, словоизменяемые классы. Структурная (синтагматическая) сложность связана с такими параметрами, как: 1) количество комбинаций элементов на разных уровнях, случаи согласования, валентности и т. п.; 2) ограничения на употребление элементов и их сочетаний. Поверхностная же сложность – это произносительная длина языковых единиц при их употреблении в речи.

Таким образом, объективная сложность существует независимо от того, изучается данный язык кем-либо или нет, такая сложность может быть измерена количественно. Второй тип сложности связан с субъективной оценкой степени сложности языковой системы при ее освоении, изучении.

В нашей работе используется пара терминов «объективная сложность» – «субъективная сложность», поскольку языковая сложность всегда относительна – как в статике, так и в динамике, как объективно, так и для постигающего ее субъекта.

Используемая сибирскими фонетистами комплексная методика, включающая как собственно лингвистические методы фонологического анализа (метод аудиивно-визуального наблюдения, дополнительной и контрастирующей дистрибуции, полной и частичной квазиомонимии, критерий морфологической или функциональной сегментации, приемы сравнительно-сопоставительного анализа), так и методы современной инструментальной фонетики, послужила базой для разработки на материале южносибирских тюркских языков авторской методики выявления потенциальных маркеров сложности артикуляторных настроек, определения объективной сложности консонантных фонологических систем и ранжирования их по этим критериям.

2. Парадигматическая сложность консонантных систем в южносибирских тюркских языках

Парадигматическая сложность консонантных систем в южносибирских тюркских языках будет определяться количеством единиц инвентарей фонем и степенью универсальности и специфичности конститутивно-дифференциальных признаков, структурирующих системы, их удельным весом, числом системоорганизующих фонологических оппозиций, степенью иерархической сложности системы.

2.1. Инвентари согласных фонем в южносибирских тюркских языках. Ниже представлены реестры согласных фонем, выявленных в тюркских языках Южной Сибири на основании дистрибутивного и функционального анализа текстов с привлечением квазиомонимических и морфологических данных.

Алтайский язык. 17 согласных фонем: 10 шумных – [p], [p:], [t], [t:], [s], [ʃ], [ħç:], [k], [k:], [h], 7 малошумных – [m], [l], [r], [n], [j], [ɲ], [ŋ] [Чумакаева, 1978].

Кумандинский язык. 17 согласных фонем: 9 шумных – [p], [p:], [t], [t:], [s], [ʃ], [ħç:], [k], [k:], 8 малошумных – [m], [l], [r], [n], [j], [ɲ], [ɣ], [ŋ].

Чалканский язык. 18 согласных фонем: 12 шумных – [p], [t], [s], [ʃ], [h], [q], [β], [d], [z], [ʒ], [j], [ɣ], 6 малошумных – [m], [n], [l], [r], [ɲ], [ŋ] [Мандрова, 1982; Кирсанова, 2003].

Тубинский язык. 18 согласных фонем: 11 шумных – [p], [p:], [t], [t:], [s], [ʃ], [ʃ'], [ʃ''], [ħç:], [k], [k:], 7 малошумных – [m], [l], [r], [n], [j], [ɣ], [ŋ] [Сарбашева, 2004].

Хакасский язык (нижне-тёйский говор сагайского диалекта). 17 единиц консонантной системы: 10 шумных – [p], [p:], [t], [t:], [s], [s:], [ʒ'], [ʃ'], [χ], [χ:], 7 малошумных – [m], [r], [l], [n], [j], [ɟ], [ŋ] [Субракова, 2006].

Шорский язык (мрасский диалект). 35 согласных фонем: 19 шумных – [p^c], [p:], [p'^c], [t^c], [t:], [t'^c], [s^c], [s:], [s'^c], [ʃ^c], [ʃ:], [ʃ'^c], [ʧ^c], [ħ^c'], [ħç^c], [k^c], [k:], [k'^c], [q^c], [q:], 16 малошумных – [m^c], [m:], [m'^c], [l^c], [l:], [l'^c], [r^c], [n^c], [n:], [j], [j'], [ɲ^c], [ɲ:], [ɲ'^c], [ɟ] [Уртегешев, 2002; 2004].

Барабинско-татарский язык. 19 согласных фонем: 12 шумных – [p], [ʔp], [t], [ʔt], [s], [ʔs], [ʃ], [ʃʃ], [ʔʃ], [q], [ʔq], [x], 7 малошумных – [m], [w], [l], [r], [n], [j], [ŋ] [Рыжикова, 2005].

Тувинский литературный язык. 18 согласных фонем: 11 шумных – [p^ɕ], [t^ɕ], [s], [ʃ^ɕ], [x], [p], [t], [z], [ʒ^ɕ], [h^ɕʃ], [k], 7 малошумных – [m], [n], [l], [r], [j], [ŋ], [ɣ] [Серленмей, 2010].

Тувинский язык (сут-хольский говор центрального диалекта). 16 согласных фонем: 9 шумных – [p^ɕ], [p], [t^ɕ], [t], [s], [ʃ], [tɕ], [k], [x], 7 малошумных – [m], [l], [r], [n], [j], [ɣ], [ŋ] [Кечил-оол, 2006].

Калмакский язык. 19 согласных фонем: 13 шумных – [p], [b], [t], [d], [s], [z], [ʃ], [ʒ], [tɕ], [h^ɕʃ], [k], [k], [g], 6 малошумных – [m], [l], [r], [n], [j], [ŋ] [Уртегешев, Бабыкова, 2005].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в фонологических системах тюркских языков Южной Сибири (кроме шорского) выделяется от 16 до 19 согласных фонем. При этом минимальное количество консонантных единиц – 16 представлено в тувинском языке (сут-хольский говор центрального диалекта); в алтайском, кумандинском, хакасском – по 17 фонем; в чалканском, тубинском и тувинском литературном – по 18; в барабинско-татарском и калмакском языках – по 19 фонем; в шорском языке функционируют 35 единиц.

Исходя из постулата о том, что одним из показателей системной (парадигматической) сложности является структурная детализация [McWhorter, 2007], количество составляющих элементов [Nichols, 2009] – в нашем случае это число согласных фонем, необходимых для порождения поверхностных форм, можно предложить следующую иерархию рассматриваемых тюркских языков в порядке нарастания степени сложности их консонантных систем: тувинский (сут-хольский говор) / алтайский, кумандинский, хакасский/чалканский, тубинский, тувинский (литературный) / калмакский, барабинско-татарский/шорский.

Данная последовательность в принципе совпадает с ожиданиями автора статьи, базирующимися на большом опыте проведения аудитивных и инструментальных исследований звуковых систем языков коренных народов Сибири. Абсолютное неприятие вызывает лишь статус тувинского языка (сут-хольский говор), занимающего в указанной цепочке нишу языка с наименее сложной консонантной системой.

На наш взгляд, сведение проблемы абсолютной (объективной) сложности только лишь к количеству элементов, из которых состоит система [Miestamo, 2008], намеренно упрощает и искажает проблему. Использование формальной количественной оценки сложности языкового явления путем поверхностного подсчета элементов может быть продуктивно и полезно, но лишь на первом этапе построения концепции. Дальнейшая серьезная разработка проблемы требует более глубокого и последовательного анализа всех компонентов систем с учетом их взаимосвязей и взаимообусловленностей.

2.2. Системная организация консонантизма в южносибирских тюркских языках

При исследовании структурно-таксономических характеристик систем согласных в тюркских языках южносибирского ареала с позиций объективной языковой

сложности мы опираемся на положение М. Миестамо о том, что явления, часто встречающиеся в языках мира, можно считать легкими для всех: говорящих, слушающих, носителей разных языков [Miestamo, 2008]. Логично предположить, что языковые единицы и закономерности, являющиеся уникальными, усложняют систему. Другим базовым для нас постулатом является заключение Мак-Уортера о существовании положительной корреляции между степенью сложности фонемного инвентаря и количеством в нем маркированных фонем [McWhorter, 2001].

При сопоставлении звуковых систем с целью выявления имплицативных иерархий для измерения объективной сложности целесообразно было бы воспользоваться понятием языка-эталона [Успенский, 1965], которым оперирует фонологическая типология: «...сравнение наиболее эффективно тогда, когда не индивидуальные объекты сопоставляются друг с другом, а... все они соотносятся с каким-то одним объектом, естественным или искусственным, принятым в качестве универсального – для данной сферы – эталона, т. е. единицы измерения». При этом система-эталон может основываться на максимально возможном наборе оппозиций (эталон-максимум) или, напротив, на их минимальном наборе (эталон-минимум) [Касевич, 1999, с. 6–7]. Проблема перцептивных эталонов разрабатывалась С. В. Кодзасовым и О. Ф. Кривновой [2001].

Но, несмотря на наличие в информационном поле лингвистов значительного объема звуковых паттернов и данных о принципах построения фонологических систем в языках мира [Ladefoged, Maddieson, 1996], к настоящему времени такой единой эталонной фонологической системы не представлено, – возможно, в силу нереалистичности построения единого эталона-максимума и произвольности выбора принципов организации эталона-минимума. Поэтому в данном исследовании мы прибегаем к сопоставлению между собой конкретных фонологических систем в южносибирских тюркских языках, а также делаем попытку оценить степень их сложности на фоне индоевропейских языков.

Проведенные сибирскими фонетистами инструментальные исследования дают основание для вывода о том, что консонантные системы в южносибирских тюркских языках сформировались в результате наложения на языки субстратного нетюркского населения тюркского языка-суперстрата с консонантной системой, организованной тройной градуальной оппозицией по степени напряженности [Наделяев, 1969, с. 236]. Поскольку для артикуляционно-акустических баз автохтонного населения алтае-саянского этноареала сильная степень мускульной напряженности речевого аппарата была неприемлема, при вынужденном переходе на язык завоевателей этносы должны были приспособлять тюркскую фонетику к привычным для них произносительным установкам. Трансформация фонофонологических систем происходила по пути ослабления артикуляторной напряженности, то есть по пути снижения языковой сложности, но реализация этих процессов в каждом из современных тюркских языков имела свою специфику – как в силу неоднородности этнического состава населения, так и по причине разнотипности исторических контактов.

В современном шорском языке оппозиция по напряженности сохранилась и коррелирует с характеристикой по типу работы гортани и языка: инъективные/статичные/эйективные единицы; при произнесении эйективных согласных возникает также эффект фарингализации. В языке барабинских татар выявленное для шорского языка противопоставление по инъективности/эйективности реализуется в виде фонологической оппозиции по фарингализованности/нефарингализованности; при этом фарингализованность в языке барабинцев – определяющий фонологический признак, а степень напряженности – сопутствующий. Включение в сопоставление языков байкало-саянского региона, тувинского и тофского, показывает иной фонологический статус этих признаков: в тувинском степень напряженности согласных является базовым фонологическим признаком,

фарингализация – оттенковым, детерминируемым алгоритмами тувинского сингармонизма.

Квантитативно ориентированные системы согласных, выявленные в алтайском, кумандинском, чалканском, тубинском и хакасском языках, сформировались в результате адаптации артикуляционно-акустических баз угро-самодийских этносов алтае-саянского региона с несвойственной им сильной напряженностью к фонологической системе тюркского языка-суперстрата, построенной на трихотомическом противопоставлении сильных/слабых/сверхслабых артикуляций.

Системы, для которых базовым признаком является характеристика единиц по звонкости/глухости, функционируют в тюркских языках севера Сибири (якутском и долганском). В южносибирском регионе аналогичные модели формируются в языке калмаков и в сагайском диалекте хакасского языка как результат трансформации системы, организованной по параметрам напряженности (в сагайском – через промежуточную стадию квантитативно структурированной системы).

Таким образом, в алтайском, кумандинском, чалканском, тубинском и хакасском языках оппозиция по напряженности преобразовалась в трихотомическую оппозицию по длительности – согласные противопоставлены как краткие/долгие/долготнонеопределенные. Тувинский и тофский консонантизм сохранил в различной степени особенности пратюркской системы: степень напряженности сохранилась в качестве основного системообразующего признака, но при этом существенно сократилась сфера реализации класса сильнонапряженных единиц. В барабинско-татарском языке степень напряженности коррелирует с релевантным для консонантизма наличием/отсутствием фарингализации как дополнительной окраски звука. В шорском языке напряженность является характеристикой, охватывающей всю систему согласных и сопутствующей основному конститутивно-дифференциальному признаку глоттализованности/неглоттализованности.

В результате преобразования пратюркской системы согласных в языке современных калмаков оппозиция по напряженности сохранилась лишь на периферии системы. Основным релевантным признаком, структурирующим подсистему шумных согласных, является признак работы голосовых связок. Выделены три пары фонем – губных и переднеязычных, противопоставленных по глухости/звонкости: [p] – [b], [t] – [d], [ʃ] – [ʒ]. Класс шумных всегда глухих фонем представлен семью единицами: [p], [t], [ʃ], [ts], [hʃ], [k], [x], класс шумных всегда звонких – четырьмя единицами: [b], [β], [d], [ʒ] [Уртегешев, Бабыкова, 2005]. О незавершенности процесса формирования системы, основанной на оппозиции по признаку голоса, свидетельствует тот факт, что переднеязычная щелевая фонема [s] и гуттуральная фонема [k], по преимуществу глухие, в определенном фонетическом контексте реализуются в звонких аллофонах; звонкая по большинству своих реализаций фонема [q] имеет среди своих позиционно-комбинаторных оттенков и глухой аллофон. Подобное варьирование – свободное или позиционно-комбинаторно обусловленное – свойственно всем южносибирским тюркским языкам, поскольку для них звонкость/глухость не является релевантным признаком.

В качестве остаточного явления в калмакской системе сохранились реликты оппозиции единиц по степени напряженности: две гуттуральные глухие фонемы противопоставлены как умереннонапряженная [k] и сильнонапряженная [k], облигаторно сильнонапряженными являются аффрикаты [ts] и [hʃ]. Функционирующая на данном этапе система, представляющаяся несколько эклектичной, является результатом взаимодействия двух систем – древней тюркской, основанной на противопоставлении согласных по степени напряженности и сохранившейся

в некоторых южносибирских тюркских языках, и казанско-татарской, структурируемой по звонкости/глухости. Для калмакского языка оппозиция согласных по работе голосовых связок относится к числу инноваций, поддерживаемых сильным влиянием русского языка – особенно если учесть крайнюю ограниченность контингента говорящих на нем.

Таким образом, с точки зрения артикуляторной сложности субстантного признака, принятого языком в качестве базовой структурно-таксономической характеристики, консонантные системы шорского, барабинско-татарского и тувинского языков, организованные противопоставлением по напряженности, следует квалифицировать как более сложные по сравнению с системами согласных в алтайском, кумандинском, чалканском, тубинском и хакасском языках, где в основу положена оппозиция по количественным характеристикам единиц, а также по сравнению с калмакской системой согласных, структурируемой по признаку звонкости/глухости.

Исходя из положения Мак-Уортера о том, что фонемный инвентарь тем сложнее, чем больше в нем маркированных фонем, поскольку их наличие подразумевает наличие и немаркированных членов оппозиций, а значит, более сложную систему фонологических различий [McWhorter, 2001], также следует заключить, что консонантные системы шорского, барабинско-татарского и тувинского языков относятся к числу наиболее сложноорганизованных, поскольку включают классы фонем, маркированных признаками, не востребованными в сопоставляемых языках.

Языковая сложность консонантных систем шорского, барабинско-татарского и тувинского языков определяется функционированием в них рядов фонем, противопоставленных по признаку глоттализованности/неглоттализованности. При этом в шорском языке тройная оппозиция согласных по основному конститутивно-дифференциальному признаку – типу работы гортани и языка – констатируется как для шумного, так и для малошумного консонантизма: эйективные согласные (продуцируются при поднимающейся гортани и оттягивающемся назад корне языка): [p̣:], [ṭ:], [ṣ:], [ʃ̣:], [ħ̣:], [ḳ:], [ṃ:], [ḷ:], [ṛ^c], [ṇ:], [ɲ̣:], [j̣:], [ʎ̣:], [ʎ̣:] / статичные (произносятся при нейтральном положении гортани и языка): [p], [t], [s], [ʃ], [ħ], [k], [q], [m], [l], [n], [j], [ɲ], [q] / инъективные (реализуются при опускающейся гортани и продвигающемся вперед теле языка): [p^c], [t^c], [s^c], [ʃ^c], [ħ^c], [k^c], [m^c], [l^c] [Уртегешев, 2002; 2004]. Таким образом, каждый звукотип представлен как нейтральным – немаркированным членом оппозиции, так и двумя маркированными: эйективным и инъективным.

Результаты изучения языка барабинских татар также послужили основанием для констатации в каждой из подгрупп класса шумных переднеязычных согласных тройной оппозиции фонем: [t]₁ – [t]₂ – [d], [s]₁ – [s]₂ – [z], [ʃ]₁ – [ʃ]₂ – [ʒ] [Рыжикова, 2001, с. 120; Ryzhikova, 2002, р. 66–67]. Однако в ходе дальнейших исследований в результате обобщения основных показателей системы с учетом динамики ее развития и абстрагирования от периферийных фактов современного барабинско-татарского языка автор в монографическом описании представил систему, базирующуюся на трихотомическом, а не тетрархическом принципе построения: шумные фарингализованные напряженные: [p̣], [ṭ], [ṣ], [ʃ̣], [ħ̣], [q̣] / шумные нефарингализованные ненапряженные: [p], [t], [s], [ʃ], [q], [x] / малошумные нефарингализованные слабонапряженные: [m], [w], [l], [r], [n], [j], [ɲ] [Рыжикова, 2005].

В сут-хольском говоре центрального диалекта тувинского языка также выявлены – на периферии системы – рефлексы тетрархической оппозиции согласных

по степени мускульной напряженности: сверхсильные [p], [t] / сильные [p], [t], [k] / слабые [b], [d] / сверхслабые [m], [n] [Монгуш, 2001, с. 145–149], т. е. максимально маркированными являются согласные класса шумных смычных единиц. Зафиксированное состояние тувинской сут-хольской системы согласных является остаточным элементом предшествующих ступеней развития, показателем языковой ретроспективы, трансформации системы по пути упрощения.

В отличие от шорского, барабинско-татарского и тувинского языков, консонантные системы алтайского, кумандинского, чалканского, тубинского, хакасского и калмакского языков не содержат классов согласных, противопоставленных по параметрам глоттализованности/неглоттализованности, что указывает на относительно меньшую степень фонико-фонологической парадигматической сложности в этих языках.

Более высокий уровень фонетического разнообразия в шорском, барабинско-татарском и тувинском языках определяется также тем, что консонантные системы в этих языках базируются не только на основном фонологическом признаке, но и на дополнительных, сопутствующих релевантных параметрах.

В шорском языке системообразующими характеристиками, дополнительными к эйективности/статичности/инъективности, являются степень напряженности, наличие/отсутствие фарингализации, квантитативные показатели: эйективность облигаторно сопровождается сильной напряженностью, фарингализацией настроек и их долготой; статичные реализуются как умереннонапряженные, нефарингализованные, полудолгие; инъективные являются слабонапряженными, нефарингализованными, краткими. Характер организации системы согласных в языке барабинских татар близок к тому, что и в шорском языке: консонантизм определяется оппозицией по фарингализованности/нефарингализованности настроек, степень артикуляторной напряженности является конститутивно-дифференциальным признаком, обусловленным наличием/отсутствием фарингализации. В тувинском языке степень консонантной напряженности выступает в корреляции с аспирированностью/неаспирированностью как сопутствующим релевантным признаком шумных согласных.

В отличие от указанных языков, в которых одним из основных системообразующих признаков консонантизма является артикуляторная напряженность, коррелирующая с глоттализованностью, алтайский, кумандинский, чалканский, тубинский, хакасский и калмакский языки имеют не столь сложноорганизованные системы, базирующиеся лишь на одном конститутивно-дифференциальном признаке – степени длительности или звонкости/глухости манифестаций.

3. Синтагматические процессы в южносибирских тюркских языках

Исследование показало, что на современном синхронном срезе фонические системы развиваются по пути упрощения субстантных характеристик единиц, экономии артикуляционных усилий (дезаффрикатизация, спирализация, выпадение интервокальных согласных, упрощение консонантных комплексов, стяжение геминат в долгий согласный, ассимиляция), что, в свою очередь, ведет к оптимизации фонологических систем, перестройке их с ориентацией на доминантные структурирующие признаки, отказу от эклектичности, обусловленной сложным смешанным происхождением этносов и их языков.

Одни изменения, например спирализация (хак.: *ax* «ах» 'белый', *харах* «хагах» 'глаз', *хулах* «хулэх» 'ухо'; алт.: *кату* «хат:у» 'твердый', *ака* «ах:а» 'брат', *алакан* «алах:ап» 'ладонь'), деаффрикатизация (хак.: *чистек* «ʃis't'ɛk'» 'ягода', *ачыҕ* «aʃ'ɣy'» 'горький', *тохчах* «tuχ'ɛx'» 'толстый', *чирче* «ʃ'ir'ʃ'ɛ'» 'чашка', *арчы* «aɾʃ'ɣ'» 'роса'; *хучах* «χuz'æx'» 'охапка', *поча* «puʒ'ɛ'» 'барда', *имчи* «im'ʒ'ɣ'» 'врач',

имчек «im'z'ek'» 'женская грудь' [Субракова, 2006, с. 44–45, 220; Шалданова, 2007]), ведут лишь к изменению кода, не оказывая при этом значительного негативного влияния на степень традиционной устойчивости языка и нивелируя возникшие затруднения в восприятии речи при смене социального (возрастного) состава носителей языка, необходимый уровень транслируемой собеседнику информации сохраняется и адекватно воспринимается слушателями, процесс коммуникации не затруднен.

Так, в хакасском языке произошла полная спирантизация твердоярдного гуттурального смычного согласного *q*, представленного в материалах В. В. Радлова в целом ряде позиций – в анлаутной, ауслаутной, медиальной пре- и постконсонантной в составе сочетаний двух шумных глухих согласных [Radloff, 1882, S. 131, 174, 228]. В настоящее время его можно констатировать лишь в речи самых пожилых носителей языка; консонант фактически полностью утратил затвор, реализуясь как щелевой согласный: *q* → *χ*. Аналогичные преобразования *q* → *q* пережил в хакасском языке и звонкий коррелят *g*, зафиксированный В. В. Радловым в инлауте и в медиально-постконсонантных комбинациях [Ibid., S. 199, 254–260] – в речи современных носителей языка в составе твердоярдных словоформ употребляется лишь щелевой согласный: *сыгырай* «s'ɔɣɣaj'» 'снегирь', *хабырга* «χab'ɣɣɣ» 'ребро' [Субракова, 2006, с. 46]. В алтайском же языке аналогичный процесс спирантизации велярно-увулярного согласного *q* динамично развивается в течение двух последних десятилетий, особенно активно – в речи носителей языка младшей и средней возрастных групп. При этом переход на щелевую реализацию субъективно не осознается алтайцами, они констатируют факт перестройки системы вслед за сменой произносительных установок только лишь при специальной фиксации на этом их внимания.

Близок к завершению и процесс дезаффрикатизации переднеязычного сложного согласного *ч* «tʃ'», вытесненного в речи современных хакасов-сагайцев щелевым сильнопалатализованным *ш* «ʃ'». Медиальные биконсонантные комбинации, оканчивающиеся на аффрикату *ч*, встречаются только в говорах, продолжая функционировать факультативно при значительно более высокой частотности сочетаний с постпозитивным щелевым «ʃ'». Аналогичные преобразования как уже завершившийся процесс констатируются для инлаутной интервокальной или постконсонантной звонкой аффрикаты *ч* «dʒ'», утратившей смычный компонент и реализующейся в сильнопалатализованном щелевом монофоне «z'» [Субракова, 2006, с. 44–45; 2007]. Аффриката *ч* как маркированный член оппозиции *ч* «tʃ'» / *ч* «dʒ'» имеет в языке меньший статистический вес, частотность его значительно ниже, чем у немаркированного коррелята *ч*, что и предопределило более высокую динамику процесса дезаффрикатизации для *ч* «dʒ'» по сравнению с *ч* «tʃ'».

Констатируемая в хакасском и алтайском языках активная трансформация систем согласных по пути спирантизации и – в хакасском – дезаффрикатизации свидетельствует об ослаблении мускульной напряженности как артикуляционно-базовом признаке, о развитии классов смычных и смычно-щелевых единиц по принципу экономии артикуляционных усилий, по пути оптимизации субстантных характеристик, снижения уровня языковой сложности. В свою очередь, перестройка на ярусе фоники детерминирует соответствующие преобразования фонологических систем. В процессе коммуникации факультативное периферийное использование носителями языка смычных или смычно-щелевых реализаций рассматриваемых фонем вместо значительно более частотных щелевых коррелятов затруднений в восприятии не вызывает.

Другие фонетические трансформации – выпадение интервокальных согласных (например, алт.: *анаи* «ар:а:ɣ» ← «ар:а:ɣɣ» ‘белый-пребелый’, *баатыр* «b̥^hа:t:ыг» ‘богатырь’ ← «таа:а:t:ыг»), упрощение консонантных комплексов, стяжение геминат в долгий согласный, ассимилятивные процессы – становятся катализаторами сложных системных преобразований на разных уровнях языка. Упрощение фонетического облика словоформы детерминирует появление сложности при ее морфологическом членении вследствие амальгамирования компонентов, перестройку слоговой структуры, возникновение новых фонотактических закономерностей.

Так, в хакасском языке в словоформах, в которых узкие гласные *ы*, *и* конечных слогов типа -CVC (со звонким превокалом и глухим поствокалом) полностью редуцировались, произошел целый ряд фонетических преобразований, существенно изменивших в устной речи фонетический облик словоформ: *азых* «λ₄:sɣ» ‘пища’, *арых* «λ₄:ɣɣ» ‘тощий’, *хозып* «χò:sò» ‘прибавив’, *чадып* «ʃ^hλ₄:tò» ‘лежа’ [Кыштымова, 2001, с. 95; Исаков, Пальмбах, 1955, с. 211–212]. Выпадение гласных повлекло за собой полное оглушение звонких согласных, оказавшихся в позиции перед глухим финальным консонантом, – произошла регрессивная ассимиляция по признаку работы голосовых связок. Кроме того, в деепричастных формах на *-ып* констатируется выпадение финального губного согласного *п* с последующим компенсаторным огублением гласного аффикса: *ы* → *у*. При этом в деепричастных формах сохранилась позиционная долгота широких гласных открытого первого слога перед узким *у* «ò» следующего слога, несмотря на то что а) в хакасском языке это удлинение традиционно происходит только перед гласными *ы* и *и*; б) как и в большинстве других тюркских языков южносибирского региона, в хакасском языке запретом на реализацию рассматриваемой закономерности является употребление глухого (~ долгого, ~ сильного) согласного в анлауте слога с узким гласным, то есть интервокальный согласный не должен быть глухим, например: *ады* «λ₄:d̥ɣ̆» ‘имя=его’, но *хаты* «χλ₄:t:ɣ̆» ‘жена=его’.

Аналогичные процессы в шорском языке описаны Н. С. Уртегешевым: при присоединении аффикса деепричастия *-ып* к основе, оканчивающейся на носовой согласный, с последующим присоединением вспомогательного глагола *ыс-* ‘посылать’ либо любого другого глагола, начинающегося с гласного, происходит ряд сложных фонетических трансформаций. Аффиксальный узкий гласный *ы* полностью редуцируется, согласный *-п* «p^c ~ b^c» под ассимилирующим воздействием препозитивного носового малошумного *н* «п̆» преобразуется в «m^c», например: *азын-* «λ̇λ̇:z̆^c’п̆» ‘вешаться’ + *-ып* «ɣ̆p^c ~ ɣ̆b^c» → *азынып* «λ̇λ̇:z̆^c’п̆ɣ̆p^c» ‘вешаясь’ + *ыс-* «ɣ̆s̆^c» ‘посылать’ → *азынмыс-* «λ̇λ̇:z̆^c’п̆m̆s̆^c» ‘повеситься’ [Уртегешев, 2015, с. 84]. Подобные фонетические преобразования нарушают прозрачность морфемной структуры словоформ и усложняют аудитивное восприятие информации.

В последние десятилетия в тюркских языках Южной Сибири наблюдается тенденция к сокращению длительности удвоенных согласных на стыке морфем, зачастую геминаты по своим характеристикам приближаются к долгим. Если удвоенные согласные встречаются, как правило, на стыке морфем, между ними можно провести морфологическую границу (алт.: *аттар* «at=tar» ‘кони’), с артикуляторной точки зрения удвоенные согласные являются двухвершинными «t:˘», длительность удвоенных согласных равна длительности сочетания двух аналогичных кратких согласных в этой же позиции (алт.: *аттар* «attar» ‘кони’ – *бат-*

пак «*ḫatpaḫ*» ‘толстый, коренастый’), то долгие согласные реализуются, как правило, внутри морфемы, являются одновершинными и по длительности они меньше сочетания двух аналогичных кратких согласных в этой позиции, но больше длительности одного краткого согласного в этой же позиции. На современном синхронном срезе наблюдается тенденция к переходу геминат в долгие, например алт.: *кату* «*ḫat:ɔ*» ‘твердый’ ← *кат=тыг*. В этом случае происходит амальгамирование компонентов словоформы, осложняющее процесс морфологического членения: если это один долгий согласный, то где проводить границу между корнем и аффиксом? Существуют различные подходы к трактовке рассматриваемого явления, но удовлетворительного решения проблемы пока не предложено.

Таким образом, в рассмотренных случаях на фонетическом уровне происходит упрощение кода, но одновременно с этим усложняется морфологическая структура словоформы, линейное сокращение плана выражения находится в отношениях отрицательной корреляции с планом содержания, затрудняя адекватное восприятие речи и усложняя процесс коммуникации.

Важно отметить, что упрощение синтагматической фонетической сложности на уровне говорящего, детерминирующее повышение языковой сложности на перцептивном уровне в других ярусах языка – грамматическом, лексическом, констатируется, прежде всего, в южносибирских тюркских языках с невысокой системной сложностью консонантных систем: хакасском, кумандинском, чалканском, шорском, алтайском. Данная закономерность может свидетельствовать о положительной корреляции уровня парадигматической сложности фонологических систем и степени устойчивости языков.

Заключение

Проведенное исследование фонико-фонологических систем в тюркских языках народов Южной Сибири свидетельствует о том, что в ряду южносибирских тюркских языков более высокой степенью объективной сложности характеризуются консонантные системы шорского и барабинско-татарского языков, фонологические системы которых организованы оппозицией единиц по глоттализованности/неглоттализованности, а также тувинский консонантизм, в системе которого противопоставление по указанному признаку реализуется на фоническом уровне. Важно отметить, что глоттализация и степень напряженности коррелируют между собой. В консонантных системах, организованных по иному принципу, – по длительности (языки алтайский, кумандинский, чалканский, тубинский, хакасский) и по звонкости/глухости (калмацкий, а также северные тюркские языки – якутский, долганский) глоттализация согласных не констатируется.

Консонантные системы в южносибирских тюркских языках являются системами с более высокой степенью объективной парадигматической сложности по сравнению с индоевропейскими языками: для передачи сопоставимого объема информации носителям тюркских языков приходится пользоваться более сложноорганизованной системой.

В тюркских языках как на фоническом, так и на фонологическом уровне актуализируются те артикуляторные параметры, а системы базируются на тех оппозициях, которые не востребованы в индоевропейских языках либо находятся на периферии систем. Высокая функциональная нагруженность гортанно-глотточного отдела речевого аппарата, наличие фарингально-ларингальных консонантов, высокая частотность велярно-увулярных артикуляций в функционально твердоязычных словоформах, а также межзубноязычных и среднеязычно-межзубноязычных (наряду с заднеязычными) в сингармонически мягкоязычных словоформах, наличие увулярных вибрантов, оппозиция глоттализованных и неглоттализованных единиц в шорской и барабинско-татарской консонантных системах

и корреляция фарингализованных и нефарингализованных вариантов согласных фонем (в зависимости от сингармонического типа словоформы) в тувинском, развитость класса среднеязычных согласных – все указанное богатство артикуляций сосуществует в консонантных системах южносибирских тюркских языков наряду с универсальными для языков мира классами губных, переднеязычных, заднеязычных согласных, не усложненных дополнительной глоттализованной окраской.

По мнению Д. Мак-Уортера, чем моложе язык, тем он проще, чем старше, тем сложнее. На наш взгляд, язык развивается циклически: периоды относительно спокойного развития по пути упрощения, оптимизации, при котором трансформации обусловлены причинами имманентного характера, сменяются периодами активных преобразований, катализаторами которых являются этнические и языковые взаимодействия, – такие взрывы, как правило, ведут к усложнению системы, может быть, к контаминации систем, различающихся типологически. Затем наступает период «созревания» языка (Э. Даль), избавления систем от эклектики, консолидации их вокруг базовых системообразующих признаков.

Языки Южной Сибири, формировавшиеся на различной субстратной базе, вступавшие в многочисленные контакты с языками родственными и неродственными, пережившие последовательно несколько волн тюркизации различных типов – уйгуро-орхонского, кыргызского, уйгуро-кыргызского, кыпчакского, представляют собой «многослойную конструкцию» [Широбокова, 2015, с. 248]. Сложностью и неоднородностью этнолингвистической истории народов южносибирского региона определяется многообразие его фонетического ландшафта.

Список литературы

- Бердичевский А.* Языковая сложность (Language Complexity) // Вопросы языкознания. 2012. № 5. С. 101–124.
- Даль Э.* Возникновение и развитие языковой сложности. М., 2009. 560 с.
- Исхаков Ф. Г., Пальмбаха А. А.* Беглые гласные в татарском и некоторых других тюркских языках // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 1: Фонетика. М., Изд-во АН СССР, 1955. С. 208–216.
- Касевич В. Б.* Фонологическая типология и язык-эталон // Проблемы фонетики. Вып. 3. М.: Наука, 1999. С. 6–17.
- Кечил-оол С. В.* Типологическая специфика консонантизма сут-хольского говора в системе говоров и диалектов тувинского языка. Новосибирск: Сова, 2006. 362 с.
- Кирсанова Н. А.* Консонантизм в языке чалканцев (по экспериментальным данным). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 150 с.
- Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Общая фонетика. М.: ИЦ РГГУ, 2001. 593 с.
- Кыштымова Г. В.* Состав и системы гласных фонем сагайского и качинского диалектов хакасского языка: Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 152 с.
- Мандрова Н. А.* Консонантизм в языке чалканцев (по экспериментальным данным): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1982. 23 с.
- Монгуш С. В.* Шумные смычные согласные фонемы сут-хольского говора тувинского языка // Языки коренных народов Сибири. Вып. 9: Фонологические системы. Новосибирск, 2001. С. 127–149.
- Наделяев В. М.* Особенности звуковой системы языка тофов // Материалы конф. «Этногенез народов Северной Азии». Вып. 1. Новосибирск, 1969. С. 235–236.

- Рыжикова Т. Р.* Инвентарь переднеязычных согласных фонем в языке барабинских татар // Языки коренных народов Сибири. Вып. 9: Фонологические системы. Новосибирск, 2001. С. 112–120.
- Рыжикова Т. Р.* Консонантизм языка барабинских татар: Сопоставительно-типологический аспект. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 269 с.
- Сарбашева С. Б.* Фонологическая система туба-диалекта алтайского языка (в сопоставительном аспекте). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. 242 с.
- Сегленмей С. Ф.* Консонантизм тувинского языка. Экспериментально-фонетическое исследование. Кызыл: РИО ТывГУ, 2010. 142 с.
- Субракова В. В.* Система согласных сагайского диалекта хакасского языка. Новосибирск: Сова, 2006. 244 с.
- Субракова В. В.* Динамика развития хакасского консонантизма (на материале ниже-тёйского говора сагайского диалекта) // Хакасия и Россия: 300 лет вместе: Материалы Междунар. науч. конф., посвященной 300-летию вхождения Хакасии в состав Российского государства (12–13 декабря 2007 г.). Т. 1. Абакан, 2007. С. 223–229.
- Уртегешев Н. С.* Шумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2002. 304 с.
- Уртегешев Н. С.* Малошумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). Новосибирск: Сова, 2004. 240 с.
- Уртегешев Н. С.* Внутряязыковые фонетические процессы, влияющие на усложнение языка // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2015. № 2(29). С. 81–88.
- Уртегешев Н. С., Бабыкова С. А.* Консонантизм в языке калмаков // Гуманитарные науки в Сибири. 2005. № 4. С. 88–90.
- Успенский Б. А.* Структурная типология языков. М.: Наука, 1965. 286 с.
- Чумакаева М. Ч.* Согласные алтайского языка (на основе экспериментально-фонетических исследований). Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1978. 244 с.
- Шалданова А. А.* Вокализм диалекта алтай-кижи в сопоставительном аспекте. Новосибирск: Сова, 2007. 280 с.
- Широбокова Н. Н.* О смене классификационного типа (на материале тюркских языков Сибири) // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 242–250.
- Bernstein B.* Class, Codes and Control. Vol. I: Theoretical Studies Towards a Sociology of Language. L.: Routledge, 1971.
- Dahl Ö.* The Growth and Maintenance of Linguistic Complexity. Amsterdam, 2004. 333 p.
- Gell-Mann M.* The Quark and the Jaguar: Adventures in the Simple and the Complex. N. Y., 1994. 392 p.
- Kusters W.* Linguistic Complexity: The Influence of Social Change on Verbal Inflection. Utrecht, 2003.
- Ladefoged P., Maddieson I.* The Sounds of the World's Languages: Phonological Theory. Oxford: Blackwell, 1996. 430 p.
- Language Complexity: Typology, Contact, Change / Ed. by M. Miestamo, K. Sinnemäki, F. Karlsson. Amsterdam, 2008.
- Language Complexity as an Evolving Variable / Ed. by G. Sampson, D. Gil, P. Trudgill. Oxford, 2009.
- Lupyan G., Dale R.* Language structure is partly determined by social structure // PLoS ONE. 2009. Vol. 5, No 1.
- McWhorter J.* The world's simplest grammars are creole grammars // Linguistic Typology. 2001. Vol. 5, iss. 2–3. P. 213–310.
- McWhorter J.* Language Interrupted: Signs of Non-Native Acquisition in Standard Language Grammars. Oxford: Univ. Press, 2007. 304 p.

- Miestamo M.* Grammatical complexity in a cross-linguistic perspective // *Language Complexity: Typology, Contact, Change*. Amsterdam, 2008. P. 23–41.
- Nichols J.* *Linguistic Diversity in Space and Time*. Chicago, 1992.
- Nichols J.* Linguistic complexity: A comprehensive definition and survey // *Language Complexity as an Evolving Variable*. Oxford, 2009.
- Perkins R.* *Deixis, Grammar, and Culture*. Amsterdam, 1992.
- Radloff W.* *Phonetik der Nördlichen Türkischen Sprachen*. Leipzig, 1882. 322 S.
- Ryzhikova T. R.* Noise front consonants in the language of Baraba Tatars // *ICTL 2002: 11th Intern. Conf. on Turkish Linguistics*, Aug. 7–9, 2002. Abstracts. Gazimagusa, North Cyprus, 2002. P. 66–67.
- Shosted R.* Correlating complexity: a typological approach // *Linguistic Typology*. 2006. Vol. 10.
- Trudgill P.* *Sociolinguistic Typology: Social Determinants of Linguistic Complexity*. Oxford, 2011.
- Wray A., Grace G.* The consequences of talking to strangers: Evolutionary corollaries of socio-linguistic influences on linguistic form // *Lingua*. 2007. Vol. 117, No 3.

Список сокращений

Алт. – алтайский язык, хак. – хакасский язык.

I. Ya. Selyutina

The features of the Consonant systems of South Siberian Turkic languages on the parameters of the objective complexity

The problem of language complexity, interpreted in modern linguistics as an indicator of typological classification, is discussed in this article on the material of the phonic and phonological systems of the Turkic languages of South Siberia. The study shows that among the South Siberian Turkic languages a high degree of the paradigmatic complexity of the consonant systems is presented in the Shor and Baraba Tatar languages, the phonological systems of which are organized by opposition of units as glottalized / non-glottalized, and Tuva consonantism, in which this opposition is implemented as the phonic one. On the syntagmatic level the simplification of the phonetic code occurs, but at the same time the morphological structure of the word forms becomes more complicated; the linear reduction of the plan of expression is negatively correlated with the plan of content, making an adequate speech perception difficult and complicating NJ communication process.

Keywords: Turkic languages of the Southern Siberia, the consonant systems, the degree of linguistic complexity.

DOI 10.17223/18137083/55/21